

Э 94
О 201.

801-18
1488

ИЗЪ БУМАГЪ

Н. М. КАРАМЗИНА

ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ АРХИВѢ

СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ

КНЯЗЯ Н. П. МЕЩЕРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

ИЗЪ БУМАГЪ

Н. М. КАРАМЗИНА

ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ АРХИВѢ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

КНЯЗЯ Н. П. МЕЩЕРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

ИЗЪ БУМАГЪ

Н. М. КАРАМЗИНА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 января 1898 года.

ИЗЪ БУМАГЪ

Н. М. КАРАМЗИНА.

Подлинники этихъ бумагъ поднесены Государю Императору княземъ Н. П. Мещерскимъ, и Его Величеству благоугодно было передать ихъ для напечатанія въ Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

12960-0

2011121737

304

63

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ НОВАГО ИЗДАНІЯ РУКОПИСЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА.

Въ числѣ бумагъ, по наслѣдству перешедшихъ ко мнѣ, какъ къ старшему изъ внуковъ Николая Михайловича Карамзина, находился подлинникъ извѣстной, хотя, къ сожалѣнію, недостаточно извѣстной, записки о Польшѣ „Мнѣніе Русскаго Гражданина“, помѣченной 17-го октября 1819 года.

Эта записка была впервые напечатана моимъ покойнымъ дядей, Владиміромъ Николаевичемъ Карамзинымъ, въ 1862 году, въ числѣ „Неизданныхъ сочиненій“ Николая Михайловича¹⁾. Но мѣсто этого семейнаго сокровища, очевидно, не въ частныхъ хранилищахъ, а въ Архивѣ Государственномъ.

Глубоко въ этомъ убѣжденный, я рѣшилъ просить дозволенія повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества подлинникъ „Мнѣнія Русскаго Гражданина“, какъ завѣщаніе Карамзина государямъ нашимъ и Россіи. Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше принять эту рукопись, съ тѣмъ, чтобъ она впредь хранилась въ Государственномъ Архивѣ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Бумаги для моихъ сыновей, когда они вырастутъ“ переплетены въ одну книгу въ темно-зеленый сафьянъ и занимаютъ 17 листовъ въ листъ и въ четвергеу; кромѣ записки о Польшѣ, съ двумя приложеніями („Для потомства“,

¹⁾ Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть первая (и единственная). С.-Петербургъ. 1862.

29 декабря 1819 года, и „Новое прибавленіе“, 18 декабря 1825 года), здѣсь еще находятся двѣ собственноручныя бумаги Николая Михайловича: копія манифеста 12 декабря 1825 года, писаннаго рукою императора Николая Павловича, и „Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“. Всѣ эти рукописи также были напечатаны въ 1862 году въ „Неизданныхъ сочиненіяхъ Н. М. Карамзина“. Эта книга составляетъ нынѣ, значительную рѣдкость; изданная въ количествѣ (если не ошибаюсь) 1200 экземпляровъ, она теперь извѣстна немногимъ, такъ какъ о ней, помнится, не публиковали, во всякомъ случаѣ, за послѣднія 25—30 лѣтъ. Такимъ образомъ новое изданіе, особенно этихъ бумагъ, въ виду ихъ важности, вполне своевременно.

Считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу, преимущественно о запискѣ о Польшѣ.

Къ столѣтней годовщинѣ рожденія Н. М. Карамзина, которая правдновалась въ 1866 году, было составлено М. П. Погодинымъ жизнеописаніе Карамзина подъ заглавіемъ „Н. М. Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“¹⁾. Помню, что трудъ Михаила Петровича Погодина тщательно прочитывался моею матерью (старшею дочерью Николая Михайловича отъ второго брака)²⁾ и княземъ П. А. Вяземскимъ. Воспоминанія ихъ были очень полезны Михаилу Петровичу.

Моя мать до послѣдняго дыханія свято хранила память объ отцѣ, котораго любила безгранично и благоговѣнно; ей было уже восемнадцать лѣтъ, когда скончался Николай Михайловичъ; но и кромѣ того, память ея вообще была изумительна. Природы крайне впечатлительной и развитая не по лѣтамъ, она быстро и сознательно усвоила все, чему была свидѣтельницей. Мнѣ приходитъ на память по этому поводу слышанное мною отъ нея, а также и отъ моей бабушки, Екатерины Андреевны Карамзиной: то было въ 1815 году. Моей матери было тогда восемь лѣтъ. Въ Москвѣ, гдѣ тогда жили Карамзины, было получено извѣстіе о возвращеніи Наполеона въ Парижъ; эту вѣсть только что сообщилъ Николаю Михайловичу, помнится, Жуковскій или Александръ Ивановичъ

¹⁾ Двѣ части. Москва. Типографія И. И. Мамонтова. 1866.

²⁾ Единственная дочь отъ перваго брака, Ксенія Николаевна, скончалась въ Ревелѣ въ 1856 году.

Тургеневъ. Всѣ присутствовавшіе были, конечно, поражены и взволнованы. Послѣ первыхъ минутъ смущенія всѣ замѣтили, что моя мать тутъ же сѣла за письменный столъ и стала прилежно писать. Каково же было общее изумленіе, когда, кажется, В. А. Жуковскій, взявъ листокъ, на которомъ она писала, прочелъ: „Sire, Napoléon est à Paris, et je vous en félicite!“ Оказалось, что маленькая Катенька собиралась писать къ государю, чтобъ поздравить его съ предстоящимъ случаемъ покрыть новою славою побѣдъ и себя, и Россію... Не менѣе тщательно дополнялъ и исправлялъ добросовѣстный трудъ Погодина князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, благодаря богатому запасу воспоминаній долголѣтней жизни¹⁾.

Итакъ, книга эта теперь также болѣе или менѣе забытая, какъ забывается все на Руси (говорю о Россіи грамотной, ибо у народа память крѣпкая), содержитъ въ себѣ много въ высшей степени интересныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Карамзинѣ и его времени. Приведу изъ нея нѣсколько данныхъ. Отношенія между императоромъ Александромъ Павловичемъ и Н. М. Карамзинымъ, въ продолженіе послѣднихъ семи-восьми лѣтъ, были самыя близкія. Карамзинъ всею любвеобильною своею душою былъ привязанъ къ Александру, цѣня въ немъ болѣе человѣка, чѣмъ монарха. „Я любилъ его искренно и нѣжно“, сказано во 2-мъ прибавленіи къ „Мнѣнію Русскаго Гражданина“ (18-го декабря 1825 г.),— „иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха и все любилъ человѣка, красу человечества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели“. Съ своей стороны, императоръ Александръ искренно любилъ Карамзина и умѣлъ цѣнить по достоинству рѣдкія каче-

¹⁾ Оцѣнку отношеній Карамзина и князя Петра Андреевича читатели найдутъ въ I т. „Старины и Новизны“, въ письмахъ Николая Михайловича. Помню, что моя мать всегда ставила въ упрекъ своему дядѣ, котораго горячо любила, какъ и всю его семью, что онъ написалъ книгу о Фонъ-Визинѣ, а не составилъ жизнеописанія Николая Михайловича. Князь оправдывался тѣмъ, что слишкомъ его любилъ для этого. „Вѣдь не напишешь же біографіи, на примѣръ, горячо любимого отца“, говаривалъ онъ. Тутъ уместно напомнить о прекрасныхъ и глубоко трогательныхъ строкахъ, изъ письма князя къ Жуковскому, приведенныхъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“, въ примѣчаніяхъ (стр. 204, № 151).

ства его души. И семейныя преданія, и книга Погодина изобилуютъ самыми трогательными доказательствами сердечной привязанности его къ своему другу. По словамъ моей бабушки Екатерины Андреевны, однажды въ Царскомъ Селѣ они, по обыкновенію, разговаривали, сидя на скамейкѣ въ паркѣ, и государь, очень неожиданно, высказалъ ему: „Je vous aime parce que vous ne me demandez jamais rien“. „Какое же было мое положеніе“, рассказывалъ потомъ, смѣясь, Николай Михайловичъ своей женѣ, — „у меня, какъ нарочно, была въ эту минуту въ карманѣ просьба NN“. Впрочемъ, какъ извѣстно, онъ ходатайствовалъ въ пользу многихъ невинно пострадавшихъ, оклеветанныхъ и т. п. „О степени довѣренности императора Александра къ Карамзину“, говоритъ Погодинъ (ч. II, стр. 393), — „можно судить уже потому, что онъ сказывалъ еще осенью 1823 г. Карамзину и Катеринѣ Андреевнѣ о распоряженіи касательно наслѣдства, о которомъ не зналъ никто въ Россіи, кромѣ митрополита Филарета и князя А. Н. Голицына: одинъ писалъ манифестъ, другой переписывалъ“. „Мы не измѣнили тайнѣ“, писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву уже по кончинѣ государя.

Вотъ что относится, въ біографіи Николая Михайловича, ко времени составленія записки о Польшѣ:

6 октября (1819 г.) (изъ письма къ Дмитріеву...) „Думаемъ переѣхать въ городъ послѣ 15 октября. Мы были въ Гатчинѣ. Собирались опять съѣздить туда завтра на одинъ день, а къ 14 надобно опять быть тамъ съ поздравленіемъ. И Елизавета Александровна ожидаетъ здѣсь возвращенія государева¹⁾. Мы у нея раза три обѣдали въ маленькомъ обществѣ. Государь будетъ 13 или еще ранѣе, онъ простился со мною очень милостиво, но мнѣ кажется, что человѣку свободному, за 50 лѣтъ, не надобно привязываться къ двору и утомлять царскую милость“.

„По возвращеніи императоръ Александръ, въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ, сообщилъ Карамзину, что хочетъ возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ. Карамзинъ воспламенился, и, ушедши отъ него, написалъ свою знаменитую записку 17-го октября (въ Царскомъ Селѣ)“.

¹⁾ Изъ Варшавы.

Съ безграничною скромностью Карамзинъ сомнѣвался въ благотворномъ вліяніи, которое его слова могли имѣть на государя. Не слишкомъ ли онъ къ себѣ несправедливъ? Александръ искренно любилъ и уважалъ Карамзина. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ и любилъ плѣнять, обворожать. Онъ, несомнѣнно, считалъ своего друга не только всецѣло ему преданнымъ, но окончательно имъ плѣненнымъ духовно. Полуночная ихъ бесѣда продолжалась пять часовъ, и по словамъ Карамзина, онъ самъ говорилъ мало — его „душа остыла“... Не нужно быть глубокимъ сердцевѣдцемъ, чтобы понять, что въ эти долгіе часы Александръ старался убѣдить не одного Карамзина: онъ уяснялъ самому себѣ всѣ стороны, всѣ послѣдствія сложнаго предположенія; въ лицѣ Карамзина онъ пытался привлечь современниковъ и потомство... И что же? Съ перваго же слова всемогущій властелинъ Россіи, вѣрнѣе, въ то время — Европы, встрѣтилъ непреодолимое... Его вѣрный, кроткій, любвеобильный другъ, безъ колебаній, готовъ отшатнуться отъ него на вѣки, безстрашно предрекая ему осужденіе современной и будущей Россіи... Таковъ былъ взглядъ вѣрнѣйшаго изъ его вѣрноподданныхъ!

Кто не испыталъ дѣйствія даже случайно слышаннаго — въ урочный часъ — отрезвляющаго слова! Самолюбіе беретъ, конечно, свое, мы тѣмъ еще болѣе упорствуемъ въ своемъ рѣшеніи; но сильное слово запечатлѣлось въ нашей памяти; медленно, но вѣрно оно растетъ и крѣпнетъ, и сперва нехотя, а потомъ покорно поддается ему воля. Не заронилось ли въ эту минуту, если еще не въ умѣ, то въ сердцѣ Александра, первое сомнѣніе въ пользѣ для Россіи задуманнаго? Не избрало ли Провидѣніе этотъ праведный законъ и этотъ день и часъ для начала спасенія Россіи отъ бѣды?.. Неблагодарность поляковъ и природное ихъ легкомысліе довершили дѣло.

Впрочемъ, при всей его скромности, въ словахъ самого Николая Михайловича звучитъ какъ бы неувѣренность... Во второмъ послѣсловіи къ „Мнѣнію Русскаго Гражданина“, только что упомянутомъ, онъ пишетъ: „...Правда, Россія, удержала свои Польскія области, но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и не-

справедливаго: *по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 года*¹⁾. Глубоко же было впечатлѣніе этихъ „тщетныхъ“ слезныхъ убѣжденій, если на ихъ тщету призналъ нужнымъ указать его вѣнценосный другъ слишкомъ пять лѣтъ спустя.. Быть можетъ, что еслибы сами поляки не оправдали своимъ легкомысліемъ словъ Карамзина, то одни эти слова не повліяли бы на рѣшеніе государя; но именно въ томъ и заключалось ихъ спасительное значеніе, что, правдивыя и вѣщія, они немедленно сбылись, и что самъ Александръ могъ убѣдиться на дѣлѣ въ ихъ правдѣ. И это подтверждается дальнѣйшими отношеніями между ними, до самой кончины государя. Не только не произошло того охлажденія или даже разрыва, къ которому сознательно готовился уже Карамзинъ, но напротивъ, привязанность Александра къ своему другу дѣлалась все болѣе явственною и трогательною, довѣріе къ нему болѣе и болѣе возрастало.

Моей матери и всему нашему семейству было даво великое счастье присутствовать при умиленномъ и восторженномъ откликѣ новыхъ поколѣній на заgrabное обращеніе къ нимъ Карамзина. Въ 1866 году праздновалось столѣтіе его рожденія. Большая зала Академіи Наукъ была переполнена слушателей. За послѣдними рядами стульевъ стояли многіе и многіе, стояли и въ сосѣдней залѣ. Радостно было видѣть въ числѣ этихъ многихъ оживленныхъ и умиленныхъ лица молодежи. Похвальное слово произносилъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

„Потомство“, писалъ Карамзинъ, — „достоинъ ли я былъ имени гражданина русскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?..“ Едва ли эта зала часто оглашалась такими оглушительными взрывами рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ, долго, долго не умолкавшихъ... Потомство чутко оцѣнило въ тотъ день гражданскій подвигъ Карамзина. Обращеніе Карамзина къ потомству было *заgrabное* — въ этомъ его значеніе. При жизни онъ похвалъ не просилъ и не ожидалъ, не винилъ онъ и порицателей²⁾. До самой его смерти записка о Польшѣ остава-

¹⁾ Слова: „болѣе“ и „по крайней мѣрѣ“ и пр. подчеркнуты мною.

²⁾ Изъ примѣровъ поразительнаго незлобія и добродушія приведу здѣсь, изъ труда Погодина (ч. II, стр. 397), слѣдующій фактъ, любопытный, мнѣ кажется,

лась тайною для всѣхъ, даже самыхъ близкихъ ему людей. Въ первомъ прибавленіи къ ней („Для потомства“) сказано: „Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ. НВ. Сказалъ еще одному человѣку: (приписано сверху) императрицѣ Елисаветѣ. 24 февр. 1821“.

Быть можетъ однако, что самъ государь имѣлъ случай говорить объ этой запискѣ великимъ князьямъ Константину и Николаю Павловичамъ. По крайней мѣрѣ на эту мысль наводятъ несомнѣнное и сильное нерасположеніе къ Николаю Михайловичу перваго¹⁾ и, на оборотъ, глубокое къ нему уваженіе, довѣріе и горячая любовь императора Николая Павловича.

Дай Богъ, чтобы доблестныя слова Карамзина сохранили на вѣки лишь цѣну великаго гражданскаго подвига и цѣну историческую, и чтобы пророческій ихъ смыслъ ограничился 1831 и 1863 годами... Но не однимъ польскимъ вопросомъ ограничивается значеніе „Мнѣнія Русскаго Гражданина“: это — вѣковѣчный отвѣтъ тѣмъ клеветникамъ, которые утверждаютъ, что съ самодержавіемъ не совмѣстимы безстрашное исповѣданіе правды и гражданское мужество.

Князь Николай Мещерскій.

именно въ данномъ случаѣ: „За поляка (Ходаковского), который думалъ бранить меня въ Вѣстникѣ Европы, я вчера (между нами) ходатайствовалъ у князя А. Н. Голицына: бѣдный мой критикъ не имѣетъ ни гроша“. Вотъ записка Карамзина къ самому Ходаковскому: „Съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи, милостивый государь мой Зоріанъ Яковлевичъ. Я радъ сказать еще нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій; но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 р., болѣе не имѣю. Вашъ покорнѣйшій Н. К.“.

¹⁾ Замѣчательно, что въ первое время знакомства съ Карамзинымъ великій князь Константинъ Павловичъ совершенно иначе относился къ нему. Вотъ, на примѣръ, что писалъ Николай Михайловичъ къ брату своему 15-го февраля 1810 года, послѣ поѣздки въ Тверь, куда онъ ѣздилъ по приглашенію великой княгини Екатерины Павловны: „Они (великая княгиня и великій князь Константинъ Павловичъ) плѣнили меня своею милостію“. И позднѣе, въ другомъ письмѣ: „Константинъ Павловичъ также отзывался обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ“ (Погодинъ. Н. М. Карамзинъ, ч. II, стр. 58, 60).

БУМАГИ ДЛЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ,

КОГДА ОНИ ВЫРАСТУТЬ.

МНѢНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА.

Государь! Въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ *не отменяетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ *въ чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣсть отъ міра сего*, сказалъ Христосъ, а граждане и государство въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять государства. Вы — христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребили Персовъ

на полях Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежит къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человекъ по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ Царь Вы то же, что онъ.* Евангеліе молчитъ о политикѣ; не даетъ новой: или мы, захотѣвъ быть христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я какъ христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепель? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человеколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянь, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александръ *взялъ ихъ русскою силою, а Россіянь далъ Ему Богъ, и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу Освободителя Европы.*

Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Впервыхъ, (не говоря о Пруссіи), спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? Ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Повторныхъ, можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлорусію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были *Россіею*, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣ-

нецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнѣе, еслибы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обизаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ политикѣ: иначе мы должныствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но еслибы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, еслибы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душой и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не

только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ: Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ: но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ..., и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину... Однимъ словомъ, восстановление Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрять своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно, не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего¹⁾ вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго; но мы желаемъ единой Имперіи Россійской: чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ незаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже приобрѣли имя *Великаго*: приобретите имя *Отца*

¹⁾ Въмѣсто зачеркнутаго въ рукописи „Вашего“.

нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена Вамъ Екатериною!.. Екатерина любила Васъ нѣжно; любила и наше отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... Умолкаю.

Царское Село,
Окт. 17, 1819.

Для потомства.

НВ. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ восьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ..., но мы душею разстались, кажется, на вѣки. Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?... Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ, но, между прочимъ, вотъ что я сказалъ Ему по французски: Sire, Vous avez beaucoup d'amour propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurois dit à Votre père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois. Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла... Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ.

Дек. 29, 1819.

Н. Карамзинъ.

НВ. Сказалъ еще одному человѣку: императрицѣ Елисаветѣ¹⁾
24 февраля 1821.

¹⁾ Слова „Императрицѣ Елисаветѣ“ приписаны сверху.

сѣдѣ съ нимъ, 28 августа, отъ 8 до 11^{1/2} часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: Sire, Vos années sont comptées; Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъяснилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непременно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи! Мнѣ хочется болѣе плавать, нежели писать объ немъ. Я любилъ Его искренно и нѣжно; иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели!

С.-Петербургъ.

18 Дек. 1825.

НОВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ¹⁾ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожь слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакивая кончину Его, не могу утѣшать себя мыслию о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь Знаменитаго Вѣнценосца; ибо эта милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 года. Я не безмолствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія или Затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, — о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, — наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бе-

¹⁾ Послѣ слова „разныхъ“ въ рукописи зачеркнуто: „не менѣ“.

КОПИЯ СЪ ОРИГИНАЛА, ПИСАННАГО РУКОЮ САМОГО
Н[ИКОЛАЯ] П[АВЛОВИЧА] ¹⁾.

Когда получено было 27-го числа минувшаго ноября горестное извѣстіе о кончинѣ блаженной и вѣчной славы достойной памяти Госуд[аря] Имп[ератора] Александра I-го, первое стремленіе сердца моего было принести присягу въ вѣрности старшему брату моему, Госуд[арю] Цесаревичу и В[еликому] К[нязю] Конст[антину] Павл[овичу], какъ законному по первородству наслѣднику престола Государства Рос[сійскаго], буде другого покойнымъ Императоромъ не назначено, ни объявлено не было. Исполнивъ *первый* такимъ образомъ священный долгъ вѣрноподданнаго, извѣстился я отъ Государствен[наго] Совѣта, что „находившійся ²⁾ въ архивѣ онаго пакетъ, на имя предсѣдателя отъ покойнаго Императора присланный, съ собственноручною надъ онымъ надписью: *хранить до собственнаго Е[го] И[мператорскаго] В[еличества], покойнаго Импер[атора], востребованія, или въ случаѣ кончины Е[го] И[мператорскаго] В[еличества] прежде всякаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта вскрыть*“, и что сіе послѣднее повелѣніе Государствен[нымъ] Совѣтомъ исполнено, и найдено, что пакетъ сей

¹⁾ Прямия скобки обозначаютъ, что въ рукописи слова, при которыхъ находятся скобки, написаны Карамзиннымъ сокращенно.

²⁾ Сверху въ рукописи написано: „ится“.

включалъ: 1) Письмо Гос[ударя] Цесар[евича] и В[еликаго] К[нязя] К[онстантина] П[авловича] къ покойному Императору, въ коемъ торжественно просить Е[го] И[мператорскаго] Величества согласія на свободное уступленіе въ пользу мою и потомства моего права наслѣдія престола Всероссийскаго, Е[го] Величеству Цесаревичу принадлежащаго по праву первородства; 2) и въ послѣдствіе сего манифестъ покойнаго же Императора Александра I отъ 16 августа 1823 года, по желанію Е[го] Высочества Цесаревича, торжественно меня назначающій наслѣдникомъ Всероссийскаго престола и проч.

По объявленіи мнѣ о томъ я остался однакожь вѣренъ присягѣ старшему моему брату, неколебимъ въ рѣшеніи своемъ и настоялъ, чтобы все Государство послѣдовало примѣру моему, *не въ ослушаніе священной для вѣрноподанныхъ воли покойнаго Госуд[аря], общаго нашего отца и благодѣтеля, но дабы нелицемѣрнымъ исполненіемъ долга своего предъ законнымъ наслѣдникомъ престола, по манифесту блаженной памяти родителя нашего, Имп[ератора] Павла I, утвержденному 15 сент[ября] 1801 года, и по тому, по коренному закону наслѣдія Всероссийскаго престола, утвердить навсегда законный порядокъ наслѣдія: что лично Государынею Императрицею, любезнѣйшею родительницею нашею, удостоено благословенія.*

Но Е[го] Имп[ераторское] Высочество Цесаревичъ и В[еликій] К[нязь] К[онстантинъ] П[авловичъ], свято сохранившій слово свое, торжественно имъ данное и утвержденное покойнымъ Императоромъ Александромъ въ 16 день августа 1823 года, тотчасъ по полученіи имъ 25 ноября горестнаго извѣстія о кончинѣ покойнаго Госуд[аря] Императора, тогда же въ письмѣ привезенномъ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ В[еликимъ] К[няземъ] Мих[аиломъ] П[авловичемъ] къ любезнѣйшей родительницѣ нашей, Г[осудары]нѣ И[мператрицѣ] М[аріи] Ѳ[еодоровнѣ], со включеніемъ копии съ грамоты Е[го] И[мператорскаго] Величества А[лександр]а I къ Е[го] Высоч[еству] Цесаревичу въ отвѣтъ на Е[го] письмо, подтвердилъ вторично торжественное отреченіе въ нашу и потомства нашего пользу отъ наслѣдія престола Всероссийскаго и проч., а въ грамотѣ на наше имя признаетъ насъ Императоромъ и Самодержцемъ

Всероссійскимъ и проч. и себѣ предоставляетъ *прежній титулъ Цесаревича и называетъ себя намъ вѣрноподданнымъ.*

Но и тогда остановились мы объявить о сей непоколебимой волѣ Е[го] И[мператорскаго] Высочества, доколѣ не получимъ отвѣта на принесенную присягу нами и всѣмъ Государствомъ.

Нынѣ дошла до насъ и на сіе торжественная непоколебимая воля Е[го] И[мператорскаго] Высочества Цесаревича, которой повинуюсь съ покорностію и *объявляя о томъ всенародно*, прилагаемъ при семъ: 1) Грамоту Е[го] И[мператорскаго] Высочества Цесаревича К[онстантина] Е[го] И[мператорскому] Величеству, покойному Им[ператору] Александру I; 2) отвѣтъ на оную Е[го] И[мператорскаго] Величества, и 3) манифестъ Его же Императорскаго Величества, наслѣдникомъ насъ назначающій, а равно письмо Е[го] И[мператорскаго] Высочества Цесаревича къ любезнѣйшей родительницѣ нашей, Г[осудары]нѣ И[мператрицѣ] М[аріи] Ѳ[еодоровнѣ], и грамоту на наше имя, которою мы отъ Его Высочества Цесаревича удостоены были, и наконецъ объявляемъ: что мы по законному нашему нынѣ праву на наслѣдіе, по волѣ Божіей, любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича, В[еликаго] К[нязя] К[онстантина] П[авловича] и по силѣ манифеста блаженныя памяти Госуд[аря] Им[ператора] Александра I вступили на престолъ Всероссийскій 19 ноября 1825 года, и повелѣваемъ въ подданствѣ намъ и законному, по праву наслѣдія, наслѣднику нашему, Е[го] И[мператорскому] Высочеству, Государю В[еликому] К[нязю] Александру Николаевичу, любезнѣйшему нашему сыну, учинить присягу.

Да будетъ царствованіе Наше царствованіемъ законовъ и правосудія; да наставитъ насъ Всемогущій Творецъ слѣдовать по священнымъ стопамъ предмѣстника Нашего, вѣчной славы и благодарности достойнаго Госуд[аря] Им[ператора] Александра I, и да дастъ Намъ силы сносить бремя правленія съ твердostí и упованіемъ на Его благодать. Клянемся сохранить всѣ коренные законы Государства Нашего и ненарушимость границъ Государства, и да будетъ залогомъ благихъ намѣреній *Нашихъ нынѣ оказанное* Нами почтеніе къ первому отечественному коренному закону, обезпечивающему и на будущія времена ненарушимость законнаго на-

слѣдія престола Государства Россійскаго: въ чемъ да поможетъ Намъ Всемогущій и Всемилосердый Богъ!

Манифестъ о восшествіи на престолъ, писанный *Самимъ* Императоромъ Николаемъ Павловичемъ ¹⁾.

¹⁾ Слова: „Манифестъ... Николаемъ Павловичемъ“ писаны рукою Карамзина на оборотѣ послѣдняго (чистаго) листа тетрадки, въ которую списанъ манифестъ.

Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства.

Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему Императору Николаю Павловичу начать манифестъ о восшествіи Его на престолъ такъ:

„Въ сокрушеніи сердець *нашихъ* (то-есть, всѣхъ Русскихъ) пораженныхъ столь незапною кончиною Государя Императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смириться духомъ предъ Всевышнимъ, и молить Его, да пошлеть намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго Великаго Монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

„Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику престола, согласно съ уставомъ блаженныя памяти родителя нашего Государя Императора Павла Петровича: старѣйшему брату нашему Государю Цесаревичу, Великому Князю Константину Павловичу“, и проч. и проч.

Государь Николай Павловичъ сказалъ, что Ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому на-

писать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

„Въ сокрушеніи *сердца*, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Нашъ, Императорскій Нашъ домъ и любезное отечество наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились Отца и Государя, двадцать пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

„Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 день ноября мѣсяца до насъ достигло, *въ самый первый часъ скорби и рыданій*, Мы, укрѣпляясь *духомъ* для исполненія *дома священнаго*, и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Госуд[арю] Цесаревичу и Вел[икому] Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства наслѣднику престола Всероссийскаго“ и проч.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: *присягу въ вѣрности приняти намъ и Наслѣднику Нашему* и проч.):

„И мы въ сей торжественный часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемого нами Вѣнценосца! Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александра! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердець невинныхъ! Да будетъ престолъ Нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ Нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ челоуколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго“.

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излиш-

нія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

„Наконецъ мы призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ нами теплыя мольбы ихъ къ Всевышнему, да ниспошлетъ намъ силы къ понесенію бремени, святымъ промысломъ Его на насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія наши *жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами Государя. Да будетъ царствованіе наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія Его и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ нашихъ*“ (вмѣсто: *любовь народа Россійскаго*).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С.-Петербургъ.
16 Дек. 1825.